

Как *Магда*
Алексеева

Жаль,

ЧТО

так

ПОЗДНО,

Париж!

Проза,
мемуары

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

Издательство
АСТ
Москва

КАК ЖАЛЬ, ЧТО ТАК ПОЗДНО...

Этот заголовок я легко заимствовал у человека, о котором хотел бы не написать в предисловии к ее замечательным (сами убедитесь!) текстам, а сказать тост.

«Как жаль, что так поздно, Париж» — так назвала свою книгу мой любимый друг, редкого (оба значения слова верны) дарования и безусловного обаяния Магда Алексева — писатель, журналист, умница, отважная и прекрасная женщина.

С ней было сразу легко. И без усилия возникало взаимопонимание настолько объемное, что не всегда требовалось завершить фразу, чтобы донести мысль.

Была бы мысль. Она узнавала ее невероятным чутьем и доброжелательным (строгим при этом) умом своим.

Дочь репрессированных (отца расстреляли, мать посадили), она из эвакуации со старшей сестрой Илоной вернулась в Москву, где жадно и весело самообразовывалась в компаниях сверстников из интеллигентных семей, населявших коммуналки, и, закончив факультет журналистики МГУ, стала продолжателем дела отца, журналиста, редактора, венгерского политэмигранта.

Магда не только писала по-русски блестяще, но и редактором оказалась от Бога. Многотиражка «Скороходовский рабочий», которую возглавляла Алексева, была популярна в Ленинграде и привлекала молодых одаренных журналистов. Став из-

вестными и матерыми, они продолжали чтить ее как безусловный и не подверженный времени и обкому КПСС авторитет. За годы своего редакторства в разных питерских изданиях она бывала не раз бита. Но не согнута.

Произнося тост за Магду, я, может быть, отдельным стаканом выпил бы не только за ее профессиональный, но и личный выбор. За ее мужа Бориса Алексева — известного питерского философа, обожаемого студентами не только за образ мысли, но и за образ жизни. До последних дней он ездил на своем гоночном велосипеде километров по сто с лишним в день. Иногда, правда, по погоде пропуская тренировки. Не часто.

Это был человек тонкого, почти скрытого юмора, огромных знаний и счастливой любви.

Им было хорошо вдвоем, какое бы состояние мира не примазывалось к ним. Их жизнь включала важнейшую составляющую — беседу. Бесконечную, неповторяющуюся, доверительную беседу.

И ничего удивительного в том, что, когда Борис ушел из этой жизни, Магде ничего не оставалось, кроме того, чтобы последовать за ним.

Как жаль...

Хотя прожили они все-таки изрядно и повидали немало — только на мотоцикле полстраны объездили.

Теперь я не стану пересказывать подробности их жизни. У вас в руках книга Магды Алексеевой. Откройте и общайтесь с ней. Вас не затруднит. Ее текст пушкински прост и точен. Русский язык чист и светел.

Читайте, а я выпью рюмочку за Магду, раз тост. Как бывало.

Юрий РОСТ

«ВОЗЛЮБЛЕННЫЕ НАШИ НЕ ОСТАВЛЯЮТ НАС...»

Конечно, до смерти жалко, что эта книга не вышла при жизни автора, а те, что выходили, не поставили имя Магды Алексеевой в тот заметный ряд, который она заслуживает. Гадать, почему так случилось, теперь так же бесполезно, как сожалеть о *неслучившихся* чудесах. Утешает одно: история литературы в конце концов все расставляет по местам. Литературоведу полезно разбираться в том, почему одни авторы вдруг занимают верхнюю полку, а другие, большего дарования и значительности, теряются в толще книжных развалов. Один ответ очевиден. Для читательского успеха писателю важно не только совпасть со временем, оказаться в нужном пространстве, но найти зоркого издателя и заинтересовать чуткого критика. Везенье — статья особая, учету не подлежит. Вот исторические события играют роль — иногда первостепенную. Мы помним, сколько отверженных имен вернула читателю журнально-издательская волна, поднявшаяся в перестройку. Я не сравниваю издание книги Алексеевой с переизданиями забытых, затоптанных, замолчанных советской властью писателей, хотя у Магды были свои счеты с этой властью. Здесь важно другое: бывает, что заново открытые имена хотя и с опозданием, но прочно входят в читательское сознание. Будем надеяться, что это именно тот случай. Почему?

Чем важна эта книга именно сейчас? Мне кажется, она, не труднясь никакими идеологическими задачами, ясно, чисто, чест-

но отвечает на вопрос: почему унылые, безмолвные, пугливые 70-е годы стали так притягательны для нынешних поколений, почему мы живем с оглядкой на давно, казалось бы, пережитое? Ну, не все же такие идиоты, чтобы скучать по цензуре, комсомольским значкам, очередям и железному занавесу! Значит, было в них нечто, что проросло сквозь ошеломительный конец 80-х, воодушевленные 90-е, хаотичные 2000-е и отозвалось ностальгией в наши безнадежные дни. В России всегда слово было важнее дела, точнее, оно и было делом. Эпоха высказывалась голосами героев прозы и строчками поэтов, иногда громко, как в 60-е, иногда тихо — маятник общественного развития неуклонно раскачивается от оживления к застою, от прогресса к реакции, от надежд к безверию. И даже когда слова были лживы — циничные пропагандисты пользуются тем же алфавитом, — именно слова оставались единственным способом существования. И после разгрома Пражской весны ушедшие со страниц жарких дискуссий вглубь документов, писем, дневников, исповедей, они сохранили достоверность в документальной прозе, счистившей с литературы пафос и фальшь.

Интеллигенция потерпела поражение. Пришло время подумать. И героини Магды Алексеевой все время думают, несмотря на то, что «веселая наглость юности позволяла нам попирать очень важные основы жизни. Это был какой-то всеобщий грех бездумности». Да, дочери и сыновья репрессированных пытались жить так, как будто нет тяжести обстоятельств и можно парить над реальностью. Но «Московский роман» потому и настоящая проза, что здесь строки и строфы стихов движутся по точным орбитам, рисуя линию жизни. С ее страхами, тяжелым бытом, запутанными отношениями, влюбленностями, предательствами, весельем и стихами. Бродский говорил, что «нация должна получать нравственное, поэтическое мироощущение». Книга прошита, пронизана поэзией; Магда писала прозрачные, гармоничные стихи, возникавшие из осенней хмари и весенних надежд, из любовных мучений и жизненных неурядиц, — полет души сквозь твердую, лаконичную прозу.

Ее биография началась в студенческие 50-е, когда с первым движением оттепели поэзия стала и вином, и хлебом. И, как ни странно, поэтическое мироощущение, вытесненное нашим прагматическим временем, — это то, по чему тоскует измочаленная цинизмом, враньем, стяжательством душа нынешнего взрослого человека. «Разве время проходит? Это мы проходим. Как верно сказано, как безысходно и печально».

Ах, что было делать?

Шли дожди.

Московский ноябрь, плохая погода.

«Замерзла?» — «Не очень». — «Не уходи».

Такое проклятое время года!

Сумерки — горькое время дня.

Помни меня.

Не забудь меня.

Времена всегда перекликаются. И как постхрущевские рифмуются с горбачевскими, так наши, застойные, опрокидываются в 70-е. «Читать Маркса и Ленина, просиживать в библиотеках, спорить, попивая сухое вино, а иногда — водку, изучать статистические справочники и снова спорить, спорить, спорить в дыму сигарет. Кто из них думал, что это кончится тюрьмой?»

Но дело даже не в исторических параллелях. Желание понять, откуда взялись духота, угрюмость, задерганность нынешней жизни, как всегда, или, по крайней мере, до сих пор отсылает к литературе — в данном случае, литературе 70-х годов. А стоящая литература не косит в одну сторону. Книга Магды Алексеевой объемна, как сама жизнь, она тяготит, но и искрится молодым весельем, остроумием, надеждами, женским кокетством, мужской иронией. «Почему меня так занимает поколение 30-х годов. Особенно женщины, которые на смертельно опасных сквозняках умудрялись оставаться прелестно легкомысленными?» Если и есть в книге некоторая избыточность, то она в пристальной подробности жизненных хитро-

сплетений и в обилии персонажей. Жизнь была длинной, личность — невероятно притягательной, вокруг нее клубился народ, начиная с немецкой группы, куда Магда пошла в свои четыре года и нашла подружек на всю жизнь, до редакций знаменитых ленинградско-питерских газет, давших ей уникальный материал для романов.

Надо сказать, что сборник составлен издательством с большим смыслом. Документальное повествование — благо отчетливая мемуарная память при нынешней любви к воспоминаниям добавит внимания к книге — перемежается мастерскими рассказами. Их открытые сюжеты, замешанные на драмах, страстях, комических ситуациях, оттеняют философическую сдержанность мемуаров. Недаром несравненный драматург Александр Володин, прочитав прозу Алексеевой, сказал: «Это моя жизнь с 30-х годов, когда тебя еще не было, до сегодняшних дней, когда я еще есть. Среди каких прекрасных людей жила ты! Ошеломительная книга, ее все должны прочесть. Там так много сказано, так много...»

Еще и поэтому книга по-настоящему современна, — это наблюдения за жизнью, а не за бытом, поэтому касаются каждого; быт разный, жизнь — одна.

И Магда Алексеева умела подслушивать жизнь, слышать то, что не слышат другие, замечать детали, на которые другие не обращали внимания. Возможно, потому, что по факту своего рождения и семейной биографии она была «другая». Об этом пронзительная повесть, посвященная отцу, «Живите долго». Венгерский подпольщик, три раза бежавший из-под ареста, в 24 года прорвался в Москву, чтобы строить новую жизнь. И как по писаному — арест, тюрьма, смерть. Жена, пошедшая по этапу, оставшиеся две дочери с иностранной фамилией и нездешней внешностью. Другие.

Все темы, которые тогда волновали не скажу всех, но многих — репрессии, эмиграция, цензура, диссиденты, закрытые границы, привилегии, социальная несправедливость, — вам это ничего не напоминает? Неудивительно, что книга, где эти темы осмыслены «здроаво смотрящим на жизнь человеком» (как называл Толстой

«Возлюбленные наши не оставляют нас...»

Фета), пропущены через умное сознание соучастника и рассказаны с художественным блеском, попадает в самый нерв сегодняшней жизни, давая надежду, что и это пройдет... Что будем мы живы, будем и веселы.

...Но куда девать боль от непризнанности? «Моим стихам, как драгоценным винам, настанет свой черед» — это не про меня». Никто про себя ничего не знает. Черед настал.

Ольга ТИМОФЕЕВА

ПОПЫТКА
ВСПОМНИТЬ

От автора

Легко ли рассказать собственную жизнь? Казалось бы, ну что тут сложного: вспоминай и записывай. Но чем больше погружаешься в такое «записывание», тем дальше и неразличимей становится горизонт.

Написав первую в предлагаемом сочинении фразу, я уже знала последнюю: «Когда же мы вернемся?» И знала ответ: никогда.

И все же «житейские записки», как определяет мемуары словарь Даля, позволяют если не вернуться, то хотя бы оглянуться, вспомнив лица, имена и даты. Не всё, разумеется, вспомнить и не всех, кого помнишь, назвать...

Да простят меня не названные здесь.

«Я из Москвы ТРИДЦАТЫХ ГОДОВ...»

Так написала в своих стихах моя сокурсница по университету, и я могла бы сказать о себе то же самое. Я родилась в Москве, на Арбате. Мой отец — Йозеф Грейнер — был венгерским политэмигрантом. Восемнадцатилетним он участвовал в Венгерской революции 1919 года, работал в подполье, был арестован и в 1924 году приехал в Москву вместе с другими венгерскими коммунистами, которых обменяли на военнопленных из австро-венгерской армии.

Мама — Эмилия Иеронимовна Гекк — родом из Николаева, ее отец, мой дед, владел имением в Херсонской губернии, его предки — немцы и французы из Эльзаса — жили в России с XVIII века. Перед революцией мама училась на Бестужевских курсах в Петрограде, а потом в Москве в Брюсовском институте.

Они встретились и поженились в 1926 году, отец уже хорошо знал русский (кроме того, английский и французский), но дома они чаще всего говорили по-немецки.

Когда мама написала своим родителям, что вышла замуж за коммуниста, мой дед вместо благословения при-

слал ей едва ли не проклятье. Мама, читая письмо, плакала, а отец утешал ее и говорил: «Может быть, я им понравюсь...» Так и получилось, дед потом безмерно уважал своего зятя.

Отец учился в Институте красной профессуры, стал журналистом, работал в «Гудке», блестяще писал и даже одно время собирался защитить диссертацию по каким-то специальным вопросам транспорта. У мамы начали выходить книги в ее переводах с немецкого — Генрих Манн, Бруно Травен...

Я часто думаю, как они жили в те годы под дамокловым мечом террора? Растили детей, ходили в гости... В кругу знакомых были писатели Зарудин, Иван Катаев, Пильняк — все погибли в ГУЛАГе.

Приехав в Советскую Россию, отец очень быстро во всем разобрался, презирал «тонкошеих вождей», резко критиковал партийную политику. «*Man wird dich verhaften*» — «тебя арестуют», — с ужасом повторяла мама. И его, конечно, арестовали, но это случилось позже, в 42-м году. Мне было десять лет, когда я в последний раз видела своего отца...

Судьба хранила нас, меня и мою сестру Илону, детей «врага народа», нас не выслали, не посадили, хоть эта опасность, не замечаемая нами по молодому легкомыслию, сторожила таких, как мы, в послевоенной сталинской Москве.

Мама же, мучимая страхами, всегда боялась за нас и заклинала меня не идти учиться туда, куда я после школы собралась. Она писала об этом осторожно, намеками в своих письмах из лагеря, где отбывала срок и откуда вернулась еще до смерти Сталина.

И все же я пошла вопреки ее наставлениям на факультет журналистики Московского университета, а закончив его,